

ЗНАНИЕ - ВЛАСТЬ!

Концептуальное приложение. Срок актуальности информации - не ограничен.

ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ БЕЗ ЛИНИИ ФРОНТА

Российская военная доктрина дает следующую классификацию возможных войн: мировая, региональная, локальная и вооруженный конфликт. В то же время среди общих черт современной войны отмечаются широкое использование непрямых действий, информационное противоборство, участие наряду с регулярными нерегулярных вооруженных формирований, в том числе незаконных. За этими характеристиками, а также миротворческими, гуманитарными, контртеррористическими и иными спецоперациями, экономическими и информационными «войнами», наступлением криминалитета, взрывами и бомбами, громкими убийствами просматривается истинный (доктринально, к сожалению, не определенный) лик современной войны - МЯТЕЖЕВОЙНЫ. В ее власти оказались не только границы России, но едва ли не вся территория страны. Для борьбы с этой угрозой, которая в наши дни отчетливо проявляется и на Северном Кавказе, требуются возрождение военного искусства, профессиональная армия, особая - политико-военная стратегия. Так полагал полковник Генерального штаба профессор Евгений Эдуардович Месснер (1891-1974), один из крупнейших представителей военной мысли Русского Зарубежья - мысли чрезвычайно жизненной и во многом передовой. Он всесторонне разработал теорию и спрогнозировал развитие данного типа войн.

Мы публикуем фрагменты из его работ «Мятеж - имя третьей всемирной», «Современные офицеры», «Всемирная мятежевойна», изданных в 1960-1971 гг. в Буэнос-Айресе и Нью-Йорке и только лишь в 2004 году в Москве, издательством «Кучково Поле».

МЯТЕЖЕВОЙНА

Это битва за душу воюющего народа
Евгений Месснер

В ДВУХ всемирных войнах и во многих местных родилась и развивалась Всемирная Революция, войны сплелись с мятежами, мятежи - с войнами, создалась новая форма вооруженных конфликтов, которую назовем мятежевойной, в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения. Этот новый феномен подлежит рассмотрению с разных точек зрения, и в первую очередь, с психологической: если в войнах классического типа психология постоянных армий имела большое значение, то в нынешнюю эпоху всенародных войска и воюющих народных движений психологические факторы стали доминирующими. Такую смесь, путаницу идеологий, безыдейной злобы, принципиального протеста и беспринципного буйства нельзя было не назвать МЯТЕЖОМ. Этот термин я и стал применять в писаниях после Второй Всемирной войны.

Она умолкла в 1945 г., но Мятеж не умолкал. Он ширился, развивался и приобретал такую силу, напряженность и повсюду-применяемость, что я увидел в нем новую форму войны. Война войска и народных движений - мятежевойна - психологическая война. Теория такой войны - огромная целина, которую надо вспахать тракторными плугами политико-психологической и военно-психологической научных мыслей.

МЯТЕЖ - ИМЯ ТРЕТЬЕЙ ВСЕМИРНОЙ

В классических войнах психология была дополнением к оружию. В революционных войнах к психологии войска присоединяется психология народных движений. В мятежевойне психология мятежных масс отодвигает на второй план оружие войска и его психологию и становится решающим фактором победы или поражения. Война издревле удары оружием по телу врага подкрепляла ударами по его психике. Петрово поучение, что «...всему есть мать безконфузство, ибо сие едино войска возвышает и низвергает» и Суворовское «кто испуган, побежден наполовину» указывали на великое значение на войне психологических факторов. Однако психологический эффект достигался не только применением идейной и материальной внезапности в тактике и стратегии, но и средствами вспомогательными, прилагавшимися не столько к войску врага, сколько ко вражескому народу: золото, «прелестные письма» и устрашение пытались внести разложение во враждебное государство. Теперь эти вспомогательные средства стали главны-

ми. Во время Второй Всемирной войны англо-американцы пользовались воздушными террористическими действиями, а Советы и Англия - революционно-партизанскими действиями для психического размягчения вражеского народа и его вооруженных сил. <...>

Однако это - прошлое. Настоящее же свидетельствует, что будущее окажется весьма революционным в дни третьей Всемирной. Уже и сейчас классическая дипломатия частично вытеснена агрессивно-дипломатией с ее переворотческими действиями. Уже и сейчас происходят «полувойны»: Греция воевала против Турции при помощи Гриваса на Кипре, африканские государства формируют легионы для поддержки алжирского восстания, т.е. для войны против Франции. В таких полувойнах воюют партизанами, «добровольцами», подпольщиками, террористами, диверсантами, массовыми вредителями, саботажниками, пропагандистами в стане врага и радиопропагандистами... И теперь даже, и глупейшее правительство понимает необходимость иметь «пятые колонны» в земле враждебной и нейтральной, а, пожалуй, - в союзной. Поэтому в эпоху великого смятения душ война может легко приобрести форму мятежевойны...

В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве.

В минувшую войну линия фронта, разделяющая врагов, была расплывчатой там, где партизаны в тылах той или иной стороны стирали ее. В будущей войне воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади оружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический; воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было с момента зарождения военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением. <...>

Политика есть искусство объединять людей. Важнейшей задачей в мятежевойне являются объединение своего народа и привлечение на свою сторону части народа враждующего государства. В прежние времена для образования идейной, политической базы войны достаточно было приобрести поддержку ведущего слоя в народе. Теперь каждый воин и каждый гражданин соприкасается с враждебно мыслящими, с перебежчиками, провокаторами, с неприятельскими пропагандистами, с попутными, но инакомыслящими людьми, а поэтому психологическая обработка должна распространяться на все сословия народа. Мятежевойна - это война всех против всех, причем врагом бывает и соплеменник, а союзником - и иноплеменный. У каждого человека должен быть колчан с психологическими стрелами и психологический щит.

Задача психологического воевания заключается во внесении паники в душу врага и в сохранении духа своего войска и народа. Полезна не только паника у врага, но и его недоверие к водителям, его сомнения в собственных силах, взглядах, чувствах. В эпоху переворота все способно к перевороту. Монархическая Германия Вильгельма II стала в 1918 г. социалистической, в 1933 г. - нацистской, а в 1945 г. - демократической, и эти метаморфозы не были лукавыми приспособлениями к обстоятельствам - они были революционными пе-

реломами духа. Способность революционной психики к таким переломам делает управление мятежевойной весьма трудным стратегическим искусством.

Командовать - это значит предвидеть, разгадывать неизвестное. На войне это неизвестное подчиняется некоторой закономерности: для Наполеона законы войны были так же очевидны, «как солнце на небе», Суворову «непрестанная наука из чтений» облегчала познание возможных путей этого неизвестного. Но «чтений» о мятежевойне пока еще быть не может: эта форма войны не изучена и ее законы так же невидимы, как солнце в туманное утро.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЕВАНИЕ

<...> Ведение войны - искусство. Ведение мятежа (революции) - тоже искусство. Сейчас возникает новое искусство - ведение мятежевойны. Стратег почти всегда стоит перед трудным выбором целей действия (промежуточных и конечной). В мятежевойне выбор весьма труден вследствие обилия целей и различия удельного веса их (чисто психологические, материальные с психологическим оттенком, чисто материальные). Можно установить такую иерархию целей: 1) развал морали вражеского народа, 2) разгром его активной части (воинства, партизанства, борющихся народных движений), 3) захват или уничтожение объектов психологической ценности, 4) захват или уничтожение объектов материальной ценности, 5) эффекты внешнего порядка ради приобретения новых союзников, потрясения духа союзников врага. Попутно надо стремиться к: а) сбережению морали своего народа, б) сбережению своей активной, воюющей силы, в) обороне психологически или жизненно необходимых объектов и г) избеганию всего, что даст неблагоприятный отклик в государствах нейтральных, но для нас интересных. Во всех случаях иметь в виду реакции не только в руководящих сферах, но и в широких массах, полноценных участниках войны или мятежа. <...>

Стратегия мятежевойны имеет свою перманентную и тоталитарную задачу «взять в полон» вражеский народ. Не физически, но психологически: сбить с его идейных позиций, внести в его душу смущение и смятение, уверить в победности наших идей и, наконец, привлечь его к нашим идеям. Средством для достижения этого служит пропаганда.

Теория пропаганды не может быть уложена в ограниченные рамки этого труда, но несколько основных мыслей высказать необходимо, чтобы дополнить картину психовоевания. Пропаганда знает два метода действия: делом и словом (агитацией).

Пропаганда действием не состоит только в победном применении оружия и в террористических актах: удавшаяся генеральная забастовка увеличивает самоуверенность рабочего класса, стабилизация отечественной валюты подымает авторитет правительства. Бушующие ныне по всему свету волны нетерпимости и партикуляризма возвели прямое действие в культ.

Прямое действие может иметь пропагандный успех: захват Суэца поднял значимость Насера, Египта и арабского мира. И даже блефирование может дать пропагандный барыш: Берлинский ультиматум Хрущева открыл ему двери Соединенных Штатов, а 30 лет повторяемое «догоним и перегоним» притупляет немного злобу советского обывателя на советскую власть. Никакая контрком-

мунистическая пропаганда не имеет такого эффекта, как коммунистические действия в странах-сателлитах: чем радикальнее там экономическая, социальная политика Кремля, тем интенсивнее антикоммунизм.

Пропаганда словом или агитация стала хлебом насущным правительств и партий. «Слухи увеличивают действие», писала Екатерина II Потемкину, советуя тревожить турок пугающими слухами в дополнение к боевым действиям. Суворов приказывал своим войскам «при ударах делать большой крик и крепко бить в барабаны». Сейчас крик и барабаны предваряют и сопровождают каждый значительный (и даже незначительный) момент в жизни государства. Само слово «агитация» показывает, что этот вид пропаганды - болезненное явление. Волновать, будоражить, взвинчивать нервы народа равносильно даже ему возбуждающих средств: от случая к случаю - пожалуй, полезно, но непрестанно - вреднее кокаина и марихуаны. И тем не менее агитацию надо считать одним из главных средств ведения мятежной войны: нападательная агитация способствует ослаблению врага, оборонительная агитация усиливает наш дух (оборонительная не смеет обороняться, оправдываться, извиняться, но должна активно активизировать эмоции и мысли наших воинов, борцов и неборцов). Надо помнить, что масса с трудом усваивает смысл идеи - ей более доступен облик идеи. Поэтому секрет успеха агитации не столько в том, что преподнести, сколько в том, как преподнести.

Агитация во время войны должна быть двуличной: одна полуправда для своих, другая - для противника. Но и двуличия мало - требуется, так сказать, многоличие: для каждого уровня сознания, для каждой категории нравов, склонностей, интересов - особая логика, искренность или лукавство, умственность или сентиментальность. <...>

Участие мятежных масс, тайноополчения и повстанческого ополчения в войне - хотя и противоречащее международным законам, но в нынешнюю эпоху неустрашимое - должно снизить в регулярном воинстве сознание ответственности перед родиной: солдат перестает быть единственной надеждой, единственным мечом и щитом народа. Всенародность мятежной войны порождает и всенародность ответственности за ее исход.

В мятежной войне нет ни организационно-административной, ни психологической границы между страной и театром военных действий, между народом и воинством, а поэтому только воинская дисциплина побуждает войско мужественнее переживать горести и тяготы войны, нежели переживает бок о бок с ним воюющий народ. Но и эта мужественность несколько ограничена: уже в мирное время антимиитаризм, свободно проповедуемый в народе, подрывает в воинстве веру в святость своего назначения, демократизм ослабляет в нем почтение командирского авторитета, материализм убивает в нем уверенность в победительности духа над материальными факторами войны, а отмена прежней казарменной изолированности ведет к тому, что нервность городов врывается в казарму. Врываются и оппозиционные ветры, дующие в общественности. Все это не делает, конечно, войсковую часть психологической толпой, но заставляет командиров командовать психологичнее прежнего и каждый боевой приказ, каждое задание преподнести психологически, а при выполнении его психоло-

гическим зондом определять состояние войсковой души.

Нельзя не прийти к заключению, что устарела формула: для войны нужны деньги, деньги и деньги, устарела потому, что для мятежной войны нужны нервы, нервы и еще раз нервы. Ни одна из войн новейшей истории не прекратилась вследствие недостатка денег. А вследствие истощения духа сдалась Россия в 1905 г. и в 1917 г., Франция в 1940 г., Югославия в 1941 г., Германия в 1918 г. Истощение в 1945 г. германских ресурсов людских, оружейных, продовольственных и паралич железных дорог имели решающее значение, однако немаловажны были и психологические надломы: от уверенности в победе к надежде на победу, от борьбы за победный мир к борьбе за какой-нибудь мир, от надежды на мир к неизбежности капитуляции.

Война на нервах в эпоху, когда народы невзрастичны, требует от стратегов весьма продуманного обращения с главным фактором войны - с психикой воюющего народа...

В мятежной войне властность и общественное мнение меняются ролями: в иррегулярном ополчении и в борющихся народных движениях властвует мнение, а власти стараются его корректировать ради проведения тех или иных операций борьбы. То, что в нормальном воинстве достигается приказом, при мятежевоевании может быть достигнуто только внушением, которое должно быть тем более старательным, чем иррегулярнее данная категория воюющих. <...>

Военные доблести - храбрость и мужество - развиваются в войске (по выражению генерала Краснова) всей жизнью, всем бытом, всем ритуалом военной службы. В результате получалась «на себя надежность», каковая, по словам генерала Суворова, есть «основание храбрости». Всего этого мало в нынешнем регулярном войске, очень мало в ополчении и немало в народных движениях. Отсюда вывод для мятежной войны:

- перед постановкой задачи (стратегической, оперативной или тактической) необходима разъяснительная кампания, тем более интенсивная, чем менее регулярен данный субъект воевания и чем менее популярна задача;

- при постановке-формулировке задачи пользоваться соответствующими данному случаю способами - от боевого приказа до митинговой речи;

- в каждый момент воевания не требовать от каждого субъекта воевания большего психического усилия, чем это допускают его психические свойства;

- степень напряженности усилий каждой группы и каждого индивидуума зависит от градуса популярности поставленной им задачи; чем ниже градус популярности, тем в данное время ниже у субъекта воевания предел моральной упругости, а за этим пределом лежит катастрофа: надлом духа и отказ от дальнейшего делания.

Нового в этих выводах нет ничего: с древних времен полководец возлагал на отборную часть войска труднейшую из задач и следил за состоянием духа воинов. Ново лишь разнообразие субъектов воевания - от способных к проявлению большой доблести войсковых единиц до робких банд и от фанатичных революционеров до толп, иной раз подобных паническим стадам. Ново также непостоянство свойств субъектов воевания, не имеющих в себе крепкой моральной базы: в толпах и

бандах мало морали, а в наспех воспитываемых войсках мораль не крепка. Стратег всегда с известной осторожностью направлял свой военный воз - не свалился бы в овраг, не застрял бы в топи, но стратег мятежевойны должен опасаться и косогоров, и ухабов и даже тряски на кочковатой дороге - его телега не прочна. <...>

РОЛЬ ОФИЦЕРА

Офицер соприкасается с иррегулярным воеванием, когда вражеские иррегулярные воюют против его воинства, или когда он отряжен к нашим иррегулярным для инструктирования их и руководства ими. Как ни противозаконно, противотрадиционно, противоэтично иррегулярное воевание, от него - покуда длится Всемирная Революция - военному делу не избавиться, не очиститься.

Некоторым офицерам придется (на время своего откомандирования в ряды иррегулярных) превратиться в предводителей. Не легка такая метаморфоза для человека, воспитанного в воинских понятиях, и метаморфоза не может быть поэтому полной: находясь в повстанческих, партизанских, диверсионных формациях, офицер должен ограничивать, посколько возможно, меру жестокости, низости, разбоя и садизма, свойственных иррегулярному воеванию, как его понимают предводители, в иррегулярной борющейся массе возникающие.

Но всем офицерам придется наступательно или оборонительно участвовать в борьбе против вражеских иррегулярных сил. Ни в глубоком резерве, ни в поезде вдали от фронта, ни в высоком штабе, ни раненым лежа в лазарете, воин не будет в безопасности от нападения или террористического акта, от лукавого яда или коварного кинжала. Не только на оккупированной территории, но и на своей придется бороться против вездесущего и обычно невидимого врага. <...>

И еще один вид борьбы ложится на плечи офицера: борьба против принципиального внутреннего разложения воинства. Поветрие пацифизма рождает в душах людей отвращение к военным обязанностям, и даже стремление вредить воинству. В Германии рекрут повредил в ангарах 19 самолетов, в Америке д-р Албан Н. Мей (первый атомный шпион) выдал военные тайны; по выходе из тюрьмы он сказал: «Я думаю, что я правильно поступил и так же думают многие»; так думал и тот германский рекрут: и он, и Мей полагают, что служат делу всеобщего мира.

Если все эти явления сейчас только в Западной Германии весьма интенсивны, то можно быть уверенным, что в случае войны они станут повсеместными. А потому на офицера лежат обязанности:

1) чрезвычайно внимательным наблюдением за подчиненными предупреждать шпионаж, вредительство и дезертирство и 2) моральному разложению солдатской души противиться ее моральным вооружением: офицер должен уметь дать солдату исчерпывающее и крепкое национально-политическое воспитание, имея в виду, что нынешнему воину надо (по выражению полковника Цешковского) прежде боевого крещения получить политическое крещение. Воинство во главе с офицерами защищает государство, а офицер защищает воинство от аморального воздействия, как со стороны вражеского иррегулярства, так и с стороны вредоносного антинационализма. <...>

Войско изменением тактики приравнивается к со-

вершенствуемой технике. Воевание регулярного воинства требует ныне от офицерского интеллекта способности своевременно приспособляться к новым тактическим требованиям, предъявляемым частыми и подчас весьма значительными новшествами вооружения.

Однако недостаточно приспособления к новой военно-технической форме войны; надо приноровиться офицеру к характерной для эпохи военно-политической сущности войны. Атомная бомба перевернула многое в военном деле. Но политика перевернула все.

Политика поднимает против воинства миллионные массы иррегулярно воюющих врагов, поднимает в тылу воинства часть собственного народа, иррегулярно борющуюся против власти и воинства, поднимает в самом воинстве идеологическое дезертирство, измену, неповиновение. Оперативные «котлы» и «ежи» ничто по сравнению с тем состоянием окружения физического, в котором могут теперь оказываться регулярные войска на территории, кишашей иррегулярством, и окружения морального в собственном народе, бушующем политическими страстями. И воинство, борясь против «комаров» иррегулярства, должно в то же время беречься от «паразитов» политики, проникающих в его организм. Беречься от пропаганды врага и от духовного расслоения в своей стране. Некоторая часть офицеров-непрофессионалов может не иметь в себе надлежащие «антибиотики», а поэтому на профессиональном офицере лежит тяжелая обязанность, руководя военной силой воинства, беречь и его политическое здоровье.

СТРАТЕГИЯ ПРЕСТИЖА

Мятежевойна внесет еще одно важное изменение традиционных военных понятий. Теория военного искусства всегда осуждала стратегию престижа, и практика войн подтверждала справедливость этого осуждения. Но мятежевойна - война психологическая. Престиж - штука психологическая. Поэтому не всегда будет ошибкой, если стратег временно отодвинет на второй план цели военные, географические, экономические, и на авансцену поставит поднятие престижа своей стратегии, воинства, страны. Или - спасение их престижа... Рожденные государственным порядком стратеги, как Петр I, Фридрих Великий, пережили Нарву и Кунерсдорф без потери престижа, но рожденные революцией вожди-стратеги гибнут с потерей престижа после бегства из Москвы Наполеон I не мог победить у Ватерлоо (даже не случись с ним припадок эпилепсии), и результат... отречение; после Седана Наполеон III не мог выдержать осады Парижа и результат: Парижская коммуна. Гитлер, олицетворение национал-социалистической революции, держался престижем и поэтому не раз прибегал к стратегии престижа на войне.

В мятежевойне часто будут прибегать к стратегии престижа. Это - отклонение от догм классического военного искусства. Это - ересь. Но мятежевойна - еретическая война. И будут воевать еретически, пока война не отделится от мятежа, пока Ре-революция не выправит перегибов Революции, пока жизнь после революционного и ре-революционного периодов не возвратится на свой нормальный путь, на путь эволюции.

Публикация подготовлена Игорем Домниным для "Независимого военного обозрения"

АВАНГАРДНЫЕ БОИ НОВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Основной феномен новой войны они видят в том, что раньше воспринималось как обычные партизанская война и мятежи, теперь плавно переходит в форму социальной сетевой войны.

Чтобы правильно понимать ситуацию, необходимо так прямо и представлять, что огромное количество аналитиков, которых по образцу советологов можно, вероятно, назвать глобологами, изо дня в день занимаются изучением зарождающихся феноменов завтрашнего дня. И нас с вами, если заслужим, станут пристально изучать.

В области военного дела безусловным лидером является РЭНД-Корпорация (RAND), которая проводит огромное количество исследований по всем ключевым направлениям войны и мира, особенно по вопросам организации вооруженной борьбы и современным проблемам населения (демографии).

Последовательно изучают авангардные бои на материале необычных войн в Мексике, Бирме и в Сиэтле, в самих США ведущие аналитики РЭНДа, среди которых особенно отличаются Джон Аркилла (John Arquilla) и Дэвид Ронфелдт (John Arquilla, David Ronfeldt). Именно под их редакцией в 1997 году вышло исследование «В афинском лагере: готовясь к конфликтам в информационный век», а совсем недавно вышел обобщающий труд на эту тему «Сети и сетевые войны: будущее террора, преступления и вооруженной борьбы».

Самые известные примеры такой социальной сетевой войны – это события в Сиэтле, а теперь еще и в Генуе, где прошли совершенно неожиданно массовые и чрезвычайно успешные выступления хитро организованных людей, которых для простоты назвали «антиглобалистами».

Не менее известным (для тех, конечно, кто внимательно следит за происходящим в мире) является феномен движения имени Сапаты в Мексике. Это движение возглавляется субкоманданте Маркосом (это – псевдоним, кто он такой – никто не знает, он постоянно демонстрирует свою полную анонимность и разрыв с миром, в частности, на вопрос корреспондентов уругвайского журнала «Эль Обсервадор» «Вы поддерживаете отношения с родственниками или друзьями детства?» он дал типичный ответ: «Нет. Я полностью порвал с этим миром. Моя семья - это мои товарищи»).

Мир узнал об этом движении 1 января 1994 года, в день, когда вступило в действие Североамериканское Соглашение о Свободной Торговле (НАФТА) – региональный аналог Всемирной торговой организации (ВТО). В этот первый день нового года в мексиканском штате Чьяпас отряды Сапатистской Армии Национального Освобождения (EZLN) численностью, по разным сведениям, от 500 до 4000 человек вышли из тропического леса (сельвы) Лакандона и заняли города Окосинго, Лас Маргаритас, Альтамирано и Сан Кристоаль де Лас Касас. Муниципальные здания были конфискованы, заключенные выпущены из тюрем, государственные магазины

открыты для людей. EZLN выпустила Декларацию Войны из джунглей и разорвала (денонсировала) НАФТА как «смертельный приговор» коренным жителям Мексики – индейцам.

Разумеется, описания этой социальной сетевой войны кардинально разные с разных позиций. Поэтому мы будем стараться здесь опираться на разнообразные источники, а в качестве фундаментального научного труда примем монографию РЭНД-корпорейшн «Социальная сетевая война сапатистов в Мексике». Кстати, одним из редакторов и автором этой монографии является всё тот же Джон Аркилла.

Вот как описывается ситуация, вызвавшая восстание сапатистов на сервере Международного Социально-Экологического Союза (МСоЭС), международной общественной некоммерческой организации – подчеркнем, что именно подобного рода некоммерческие организации Джон Аркилла называет базовыми боевыми единицами социальной сетевой войны: «Северо-американское соглашение о свободной торговле (НАФТА) – это соглашение между Соединенными Штатами, Канадой и Мексикой, успешно создающее единую северо-американскую экономику. Сапатистская Армия Национального Освобождения, которую поддерживает огромное количество местных жителей, считало и считает, что воздействие НАФТА на социально-экономическую систему и экологию всех стран, участвующих в соглашении, поистине опустошающее».

НАФТА - это не просто соглашение о свободной торговле товарами и услугами между странами. Его возможности гораздо шире. Оно дает компаниям, оперирующим под юрисдикцией НАФТА, определенные привилегии и всемерно способствует выполнению многих требований МАИ, таких, как устранение государственного контроля за иностранными инвестициями. Договор явно отдаст предпочтение корпорациям в ущерб интересам рабочих и окружающей среды. В приграничных городках Мексики жизнь превратилась в кошмар. Ядовитая грязь вытекает с фабрик, построенных недавно, после подписания НАФТА. Фабрики таких корпораций, как "Дженерал Моторс", "Степан Химикал" и АТ&Т изрыгают всякую токсичную дрянь - расплзающуюся повсюду багровую, оранжевую и зеленую слизь. Все это попадает в реки, из которых люди берут воду для питья, где играют дети, где птицы отдыхают во время сезонных перелетов. Рабочие на этих фабриках подвергаются воздействию ядохимикатов, иногда в 50 000 раз превышающему допустимые нормы США.

Общая причина в том, что в Мексике очень мало сдерживающих корпорации законов. Это называется «саморегулированием», когда считается, что бизнес сам себя регулирует лучше, чем правительства. Корпорации заявляют, что чем меньше они ограничены в действиях, тем лучше для рабочих и для окружающей среды.

Большинство корпораций заинтересовано в том, что-

бы делать свой бизнес в Мексике в специальных зонах свободной торговли, или макильядорах. На существующей сейчас в Мексике двадцать одной сотне этих макильядоров работают около полумиллиона человек. В этих зонах созданы особые законы, очень выгодные для корпораций, размещающих там свое производство. Там обычно очень мало (или совсем нет) экологических ограничений, очень низкие нормы охраны труда и небольшие налоги на бизнес - идеальный климат для корпораций. Большинство работающих в этих зонах - женщины, получающие в среднем меньше доллара в день. По многочисленным свидетельствам, рабочие вынуждены трудиться в экстремальных условиях. У них очень мало прав, им запрещается устраивать организации или открыто высказывать свое недовольство. Воздействие токсичных химикатов и тяжелые условия труда привели к тревожному росту таких заболеваний, как полиомиелит, дизентерия, тиф и энцефалит.

Сторонники НАФТА утверждали, что соглашение надо принять для того, чтобы укрепить демократию и повысить политическую и экономическую стабильность в Мексике. Но, зная, что последствия НАФТА скажутся прежде всего на людях Мексики, сапатисты начали восстание.

Обнищавшие местные крестьяне-индейцы из племени майя сказали, что НАФТА - это их «смертный приговор». После того, как мексиканские военные убили и замучили многих сапатистов и их сторонников, не щадя даже детей, по всему миру прошла волна массовых протестов. Из того, что сапатисты начали восстание в день, когда соглашение НАФТА вступило в силу, ясно, что они прекрасно понимали причины своей нищеты и угнетенности, сознавали, какие последствия это соглашение может иметь для их народа.

"Позвольте представиться. Мы - это национально-освободительная армия сапатистов. Десять лет мы жили в этих горах, готовясь к войне. В этих горах мы создали армию. Мы не могли жить внизу, в городах и на плантациях. Наши жизни ценились меньше, чем машины или животные. Мы были как камни, как сорная трава на дороге. Нас заставляли молчать. У нас не было лиц. У нас не было имен. Не было будущего. Мы не существовали для той силы, которая называется «неолиберализация». Мы ничего не стоили, не производили, не покупали, не продавали. Мы были нулем в счетах большого капитала».

Новизну этого нового типа борьбы лучше всего, пожалуй, характеризует описание самого субкоманданте Маркоса, которое он дал в 2001 году в интервью всемирно известному колумбийскому писателю, нобелевскому лауреату Габриэлю Гарсиа Маркесу (самый известный его роман - «Сто лет одиночества»).

Г. Гарсиа Маркес: Вы использовали выражение «как говорим мы, военные». Для нас, колумбийцев, которые привыкли слышать речи наших партизан, ваши слова мало похожи на военную лексику. Что от военных есть в вас и вашем движении, и как вы можете описать войну, в которой участвовали?

Субкоманданте Маркос: Мы сформировались внутри армии, Сапатистской Армии Национального Освобождения. Это военная структура. Субкоманданте Маркос - военный командир армии. Но в любом случае, наша

армия - это армия совершенно другая, потому что мы стремимся как раз к тому, чтобы перестать быть армией.

Военный - это абсурдная личность, потому что он должен прибегать к оружию, для того чтобы убедить другого в том, что его истина - единственная, которой нужно следовать, и в этом смысле, если будущее нашего движения - военное, у него нет будущего. Если САНО продолжит свое существование как вооруженная военная сила, это станет ее поражением. Поражением в смысле поражения ее идейных позиций, ее взгляда на мир. И кроме этого, и еще худшим, чем это стало бы, если бы САНО пришла к власти и начала править, как революционная армия. Для нас это было бы поражением.

То, что считалось бы успехом для военно-политической организации 60-х и 70-х, когда возникли национально-освободительные движения, для нас стало бы поражением. Мы видели, как эти победы приводили к провалам или поражениям, скрытым за собственной маской. То, что оставалось всегда нерешенным - это роль людей, роль гражданского общества, роль народа.

И, наконец, это было всегда борьбой между двумя гегемониями. Репрессивная власть, которая сверху все решает за общество, и группа просветленных, которые хотят наставить страну на путь истинный, отстраняет первую группу от власти, берет власть в свои руки и тоже сверху начинает решать все за других. Для нас это - борьба гегемоний, и всегда в ней есть «плохие» и «хорошие»: те, кто побеждают - хорошие, те, кто терпит поражение - плохие.

Но для остальной части общества в принципе ничего не меняется. Для САНО наступил момент, когда она оказалась превзойдена самим сапатизмом. Буква «А» (армия) в этой аббревиатуре уменьшается, ее руки оказываются связаны, причем настолько, что мобилизация без оружия не только не становится для нас трудностью, но мы даже испытываем от этого определенное облегчение. Да и патронташи становятся намного легче, чем раньше, и вес военной риторики, неизбежной со стороны любой вооруженной группировки во время диалога с гражданскими, становится куда меньше.

Нельзя восстановить ни мир, ни общество, ни национальные государства, разрушенные сегодня, если исходить из вопроса, кто на этот раз навязет свою гегемонию обществу. Мир, и в этом случае Мексика, состоит из разных людей и групп, и отношения, которые нужно построить между этими разными группами и людьми, должны опираться на уважение и терпимость, т.е. элементов, которых нет в выступлениях военно-политических организаций периода 60-х и 70-х. Как это обычно происходит, реальность предъявила свой счет, и для вооруженных национально-освободительных движений цена этого счета оказалась очень высокой...".

Основной метод ведения борьбы сапатистов - навязывание многостороннего диалога между общинами индейцев, муниципалитетов и центральными властями Мексики. Отметим, что похожую форму «принудительного диалога» активно использовало в ходе местных и всероссийских выборов 1999 года общественно-политическое движение «Май», организованное в Екатеринбург.

Для адекватного описания форм ведения борьбы в социальных сетевых войнах Джон Аркилла применяет термин “роение” (swarming), проявляемое в множественных “микродействиях”, “тычках” и “стычках”: в выступлениях в СМИ, в вооруженных и невооруженных физических столкновениях, в разного рода демонстрациях и презентациях, в навязываемых диалогах и переговорах с официальными лицами и пр.

Для Аркиллы и для самих сапатистов такого рода противостояния безусловно являются войнами. “ВОПРОС: ТАК ЧТО ЭТО - СВОЕГО РОДА ВЯЛОТЕКУЩАЯ ВОЙНА? – ОТВЕТ: О да, это - определено война, но не такая, где много людей становятся ее жертвами. Сейчас; даже притом, что мы особенно не слышим о сапатистах, движение столь же сильно, как и раньше, даже перед лицом 70 тысячного мексиканского корпуса, окружившего мятежный район...” .

Аркилла, приводя многочисленные подтверждения из работ других исследователей, убедительно показывает, что такие социальные сетевые войны ведутся на транснациональной основе, в них огромная роль принадлежит правильному проектированию и использованию форм коммуникаций и информационных технологий. Это, однако, не исключает, а, как правило, обязательно включает боевые отряды как небольшой по количеству, но важнейший элемент сетевых децентрализованных организаций, которые собственно и организуют эту войну.

Самое важное для нас состоит в том, что Джон Аркилла и его коллеги однозначно подчеркивают в главе “К определению демографии социальной сетевой войны” кардинальное демографическое основание описываемых ими социальных сетевых войн - создаваемый в настоящее время огромный социальный “третий сектор” как огромное разнообразие самоуправляемых частных или неправительственных организаций (non-governmental organization- NGO), не ставящих себе задачи распределения прибыли акционерам или директорам, преследующих общественных задачи вовне и помимо формального аппарата государства. Это всё начинает становиться “ассоциационной революцией” негосударственных действующих лиц и по своему значению вполне может быть сопоставлено с возникновением национального государства в Новое Время.

Разумеется, все прекрасно понимают, что такие негосударственные организации, NGO, являются обоюдоострым оружием и используются как самыми мощными государствами мира (в первую очередь, США – достаточно указать на огромное количество фондов и благотворительных организаций в России), так и отдельными, самыми небольшими общественными группами активистов.

Но Джона Аркиллу и военно-дипломатико-политическое сообщество, представленное в РЭНД-корпорейшн как “мыслительном танке” (think tank), разумеется, интересует то, какова природа, эффективность и фактическая неподконтрольность, сама теперь неподконтрольности и свободы подобных образований и каковы наиболее эффективные и дешевые средства борьбы с подобными сетевыми вооруженными силами в грядущем глобальном противостоянии с ними и с теми государствами “третьего мира”, которые составляют “мировую ось зла” (заявление Президента США Дж. Буша от 31 января 2002 года).

Меня же интересует то, как сделать так, чтобы не допустить пятой мировой войны, которая будет гуманной войной и приоритетным объектом поражения и уничтожения в которой станет неуправляемая и свободно опередающая человеческая субъективность.

Для меня лично важная роль движения сапатистов (САНО, EZLN) и подобных им состоит в том, что оно организует население на то, чтобы не попадать в современные тупики, представленные в виде однозначных дихотомий и безальтернативного выбора: коммунизм – капитализм или, для российского населения – советское прошлое или экономическо-либеральное будущее.

Способность отдельного человека, сообщества или народа самоопределяться к предлагаемым извне “свободным выборам” является сегодня не только фактическим здравым смыслом, рассудком, но и главным условием элементарного выживания.

Сапатисты подают прекрасный пример того, что для умственно и нравственно самостоятельных людей и народов всегда “Иное дано” (напоминаю – это название программного сборника 1990 года, в котором с либеральных позиций доказывалось, что всё многообразно и плюралистично, кроме одного – решения России строить “капитализм” и “правовое государства”), что неправильно и вредно принимать навязываемые и смертельно опасные дихотомии.

“С крахом «коммунизма» возникла иллюзия относительно триумфа капитализма. Если Вы хотите сойти с пути, на котором находится сейчас мир, вы должны иметь некоторую идею относительно иной системы, и сапатисты жизненны, потому что они не только говорят об этом, они фактически сделали это. Они управляют муниципалитетами коммунально, они организуют их собственные проекты образования, их собственные водные проекты, имеют их собственную армию, они обращаются к другим локальным сообществам Мексики - и это вдохновляет”.

Прекрасно показал эту тупую, но действенную методу навязывания тупиковых альтернатив в момент начала войны НАТО против Сербии в Косово сам субкоманданте Маркос: “В этой войне Мировая Власть стремится заставить нас всех занять одну из двух позиций - поддержать войну “этнических чисток” Милошевича, или же поддержать войну “гуманитарную” НАТО.

В этом заключается великая алхимия денег - нам предлагают выбор не между миром и войной, а между двумя войнами.

Неправда, что мы должны стать потребителями этого рынка смерти.

Неправда, что выбор есть только между различными типами войн.

Неправда, что мы должны становиться на сторону одного или другого идиотизма.

Неправда, что мы должны отказаться от разума и человечности.

Ничто не может быть оправданием этнической войны Милошевича.

Ничто не может быть оправданием “гуманитарной”

войны НАТО.

Ловушка именно в этом, но с каждым днем в мире становится все больше тех, кто отказывается впасть в нее и говорит “Нет!” войне на Балканах...”.

К великому сожалению, события после чудовищной провокации 11 сентября 2001 года показали, что здравого смысла существенно не прибавилось, и тем, кто планировал эту провокацию, удалось таки загнать почти весь мир и Россию в “войну с международным терроризмом” или в противостояние этой “антитеррористической коалиции”.

Но необходимо научиться не попадать в безальтернативные альтернативы, иначе втянут в пятую мировую войну в качестве пушечного и реформенного мяса преобразований, нацеленных на уничтожение целых “неправильных” народов и стран.

Пятая мировая война - не надо здесь строить никаких иллюзий – с необходимостью будет гуманитарной, т.е. связанной с реорганизацией подходящего человеческого материала и удалением неподходящего (“неадекватного”) и потому избыточного человеческого материала. Даже, наверное, лучше было бы назвать эту войну гуманистической или гуманной, поскольку она принимается за человека целиком и видит в убийстве тела лишь одну из многих (и довольно вульгарных) возможностей управления ситуацией.

По оружию пятая мировая война будет комплексной, в том числе и ядерной, поскольку ядерное, нейтронное, биологическое, химическое и иное оружие массового поражения является чрезвычайно эффективным для уничтожения в случае необходимости “избыточного” населения. Эффективность, прежде всего, экономическая эффективность – вот божок нашего времени, и давно уже в головах военных ядерное оружие перешло из категории оружия политического в категорию оружия актуального и подругного.

Мне тяжело писать эти строки. Но я очень надеюсь, что они, обозначая возможное непоправимое, помогут сделать так, чтобы это непоправимое никогда не произошло.

Доминирующий на сегодня в мире политический класс, “мировая элита”, к настоящему времени фактически уже утвердили в качестве базовой идеи своего правления инвестирование в достижение безраздельного господства и в исключительно эффективные с экономической точки зрения проекты. Обратной стороной этого решения является принципиальный отказ от ответственности за всё население своих стран и за мировое население в целом.

За этими решениями стоит, с моей точки зрения, то мироощущение, что существующие ресурсы абсолютно недостаточны не только для кардинального улучшения жизни каждого без исключения человека своей страны и мира, но и для элементарного “содержания” существующей массы людей. Это ощущение закономерно, поскольку даже в США реальный промышленный потенциал за последние сорок лет фактически упал в два раза.

Но из этого понятного, вытекающего из фактической неспособности мировой элиты организовывать опережающее промышленное развитие и вытекает с неизбежностью реальная стратегия: **любой ценой в максимальной степени присваивать мировые ресурсы, начиная с углеводородов и минерального сырья – и в минимальной степени расходовать эти с таким трудом присваиваемые ресурсы на то население, которое либо не хочет, либо не способно принять участие в данной стратегии, либо то население, которое считает исходно лишним и чужим в рамках данной стратегии.**

Механикой данной стратегии является методология “человеческого капитала”, которая позволяет регулировать население, его количество и его судьбу в зависимости от рентабельности. Рентабельное население, т.е. способное в данных условиях самостоятельно участвовать в распределении ресурса и демонстрировать соответствующий тип поведения, определяется как качественное, а нерентабельное считается низкокачественным.

Идеологическим обеспечением здесь выступают теории гуманизма, когда человеческая жизнь рассматривается настолько дорогой, что во имя максимального служения этой жизни её непозволительно растрчивать на преследование абстрактных идеалов и различных архаизмов, связанных с традицией и культурой. Также рекомендуется не “напрягаться” и не подвергать себя напряженному труду, чтобы не делать жизнь горькой и проводить её максимально сладко. Последним аккордом обслуживающей ресурсную стратегию идеологии является утверждение о том, что такова неизменная природа человека, таковы законы природы, такова жизнь.

Описанное выше и является в чистом виде неомальтузианством и социал-дарвинизмом, которые “по-научному” ясно констатируют, что объем ресурсов является ограниченным и убывающим, а объем человеческой массы неограниченным и возрастающим. Но существенно регулировать ресурсы невозможно, следовательно, надо регулировать человеческую массу. Несколько проще: “на всех не хватит”. В целом же мир и человечество в этом мировидении представляются группой кланов, беспощадно сражающихся за ресурсы. Идеалом при этом является такая победа одного из кланов, когда все базовые ресурсы будут сосредоточены у него.

Реализация данного мировидения с неизбежностью ведет к пятой мировой войне, которая является, в связи с минимальным количеством людей, уничтожаемых с помощью взрывов и выстрелов, по отношению к уничтоженным экономическими, демографическими и иными гуманитарными методами - самой гуманной войной в истории человечества или просто мировой гуманной войной.

Отсюда по своему характеру пятая гуманистическая война, основывающаяся на неомальтузианстве, является гуманной, а по методам реализации – множественной.

**Из статьи Ю.Крупнова
"Как Россия сможет предотвратить
пятую мировую войну"**